Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» №4: Лифт любви

Лифт закрылся, и воцарилась тьма.
— Ё, — вырвалось у Гладкова (хотя вообще он был сдержанным человеком).
Как видно, гопники выбили в лифте последнюю лампочку. Такая темень нервировала, хоть и ехать было не ахти сколько.
Гладков достал мобилку. Та полыхнула прощальным огоньком и потухла: он забыл зарядить ее.
— Ё-моё! — сказал он с чувством. — Едрить тебя, сукин сын!
Лифт, видно, принял это проклятие на свой счет и застыл.
— Эээй, — позвал Гладков.
Тишина.
— Эээээй! — заорал он, стукнув несколько раз в двери.
— Застряли? — спросил голос из тьмы.
Он был робким и женским, этот голос.
— Тут кто-то есть? — спросил Гладков, помолчав.
— Вообще-то да.
Гладков попытался осмыслить это.
— Я не увидел вас. Было темно, — сказал он. — Стало быть, вы тоже застряли?
— Нет, я просто прошла тут сквозь стену, чтобы вам не было скучно...
— Мда. Хи-хи, — фальшиво хихикнул Гладков. — А... у вас есть мобилка?
— Есть. Но она не заряжена.
— Что-о? Ахахаха! — расхохотался он, на сей раз от души.
— Это так смешно?
— Ну... просто забавно: в темноте, в заточении, без связи с миром...
— Вы не писатель, часом?
— Эээ... а что?
— Красиво так выражаетесь. Сильно. Там должна быть кнопка.
— Где? Какая?
— Там, где все кнопки. Кнопка вызова.
Минуту или две Гладков сосредоточенно тыкал во все кнопки, которые мог нащупать.
— Нет тока, — наконец сообразил он. — Все кнопки потухли. Ай!..
— Извините. Да, я тут, вот прямо рядом с вами, осторожно... Не ушибла вас?
— Нет... но, знаете... В темноте вдруг кто-то тебя трогает...
— Не кто-то, а я. Да, вы правы — потухли... Меня зовут Кристина.
— А меня Владислав. Можно «Влад».
— Очень приятно. А меня можно «Кристи».
— Вы тут?
— В смысле?..
— Ну... рядом со мной?
— Почти, — голос раздался вдвое ближе. — Но я вас не буду трогать, не бойтесь.
— А вы какая, Кристи?
— То есть — «какая»?

— Ну… Так интересно, интригующе — один на один с девушкой, в полной темноте… Вы блондинка?
— Оооо…
— Что?
— А попробуйте угадать? Какая я?
— Нууу… — Гладков замялся. — Что, вот так вот… по голосу?
— Ага.
— Ну… не знаю… По-моему, вы блондинка. У вас голос мягкий такой. Угадал?
— Не знаю. Тут темно.
— Ха-ха-ха… А глаза у вас голубые?
— Угадайте.
— Наверно, голубые… или серые. Или зеленые. И еще мне кажется, что вы кудрявая.
— Потому что говорю кудряво?
— Не знаю. Просто кажется так. Угадал?
— Нуууу…
— А можно потрогать? Проверить?
— Кого? Меня?
— Ваши волосы. Хоть что-то достоверное…
— Ну… эээ…
Холодея, Гладков протянул руки по направлению к голосу. Руки уперлись в мягкое и живое.
— Ааай!
— Извините… Я, кажется, промахнулся…
— Вообще-то у меня волосы не там растут. В основном выше.
— Извините, — бормотал Гладков.
Ощущение мягкого и живого обожгло нервы. Жутко, до тика хотелось повторить. «У нее что, голая грудь?» — подумалось вдруг, и стало еще жутче.
— Извинила. Вторая попытка будет?
— А можно?
— Если осторожно.
Гладков снова протянул руки, на этот раз выше, на уровне своей головы — и они окунулись в пушистую копну.
— — Йесс! Я угадал! Вы такая кудрявая!..
Руки его щупали пух, щекочущий ладони, и оттуда в тело текли мурашки, такие же щекотные, будто Гладков целиком залез в шевелюру Кристи.
— Вы хотите меня причесать, я вижу. Вы парикмахер?
— Нет, я писатель… Я никогда не видел таких кудрей!
— Вы их и сейчас не видите.
— Да… Но мне кажется, я чувствую, какие они золотые. Они греют мне руки…
Гладков и впрямь чувствовал это. Его руки путешествовали по шевелюре Кристи и откровенно гладили ее, как это можно было делать только с очень близким человеком. Кристи притихла.
— Вам нравится?..
— Если я скажу «да», вы захотите чего-то еще — сказала она. — Если я скажу «нет», вы просто прекратите. Поэтом я просто промолчу…

— А вам не хочется, чтобы я прекращал?
— Не... хочется... — хрипло проговорила Кристи.
Гладков ласкал ее голову сквозь кудри, млея от токов незнакомого тела, и в ответ слышал волнительное сопение. Можно было бы сказать «у него потемнело в голове», если бы и так не было темно.
— Значит, вы сказали «да»...
— Мммммм...
— И вы сами сказали, что если «да» — значит... значит, можно что-то еще.
— Я такого не говорила!..
— А что «еще»? Что ты имела в виду? — вкрадчиво шептал Гладков (или, точнее, кто-то в нем), переходя с кудрей на шею.
— Оооу! Вы решили защекотать меня? — жалобно спросила Кристина, не заметив его «ты». Судя по ее голосу, прикосновения Гладкова имели оглушительный успех.
«Какая же ты чувственная», думал он, сходя с ума.
— Ты имела в виду... может, лицо? Можно потрогать твое лицо?
— Вы мне весь макияж сотрете...
— Я аккуратненько... снизу... — бормотал Гладков, щекоча ей под подбородком и легонько задирая его вверх. Этот испытанный прием подействовал, будто Гладков нажал на кнопку «возбуждение»: Кристина закряхтела, шевельнулась, и он услышал шорох одежды.
«Выгибается» — думал он.
— Ого! У тебя такие пухлые губки! Ну просто... просто ого, какие!
Его палец путешествовал по ее губам, чуть прижимая, чтобы не дать ей говорить. Подушечка скользила по влажному — Кристи чуть приоткрыла губы и слегка ловила ими палец. Под ним было все мокрее и мокрее, и что-то совсем влажное и мягкое обожгло его и исчезло... неужели язык?
В какой-то момент напряжение стало невыносимым. Гладков набрал дыхание, еще не зная, что он скажет... но Кристи опередила его:
— А теперь, — сказала она, куснув губами его палец, — а теперь я вас потрогаю. Думаете, только вам можно? Где вы тут?
— Вот я, — отозвался Гладков, закрывая глаза.
Горячие, как маленькие печки, руки ткнулись ему в шею, нащупали подбородок, губы...
— Ой, какой колючий! У меня пальцы в дырках будут! Уходим отсюда, — смеялась Кристи, но пальцы ее щупали Гладкова нежно, горячо, и тот млел от их тока. — Тааак... Нос длинный, шнобель такой... Вы Урфин Джюс, да? А это что? Следы веков? Вам сколько лет? — пела она, нащупав морщины. Ее скользящие касания драли Гладкову нервы.
— Сорок... три... — хрипло сказал он.
— Ого! А лапали меня так, будто вам пятнадцать.
— А... тебе сколько?
— А мне... сорока еще нет. Угадайте! — она перестала его щупать.
— Уффф... Ну точно не пятнадцать, — сказал Гладков. — Судя по голосу... и губам...
— А сколько? Тридцать шесть?
— Слишком мало данных. Надо... — он прикоснулся, не дыша, туда, где должно было быть ее туловище, — надо собрать информацию...
И сжался, ожидая реакции. Но Кристина молча пыхтела, и он двинулся дальше.

Под его пальцами было голое, горячее, мягкое, и оно было уже довольно долго… «Грудь! Совсем голая?… « Но нет: край ткани, ложбинка…

— Ого! У тебя такое декольте…

— А что? Не нравится?

— И грудь… большая такая… Третий размер?

— Четвертый.

Он спустился ниже, на талию, гнущуюся под его руками, и вернулся выше.

— Это вы проверили — может, я толстая корова?

— Ну что ты…

— И как? Со мной можно иметь дело?

— Ты потрясающая, Кристи, — горячо шептал Гладков, исправляя нечаянную лажу. — Я почти вижу тебя. У писателей знаешь какое воображение! Ты нежная кудрявая блондинка с пухлыми губками, созданными для любви… У тебя молочно-белая кожа, голубые или серые глазки, большие такие… и краснеешь ты крепко. И вообще ты розовенькая… наша, славянская, русская порода!… Что такое?

Кристи хихикнула.

— А лет мне сколько? — спросила она.

— Ну… ты тонкая, но крепкая, в самом соку. С такой потрясающей грудью… и голос у тебя густой, чувственный… Но ты молодая. Иногда бываешь почти ребенком. Думаю, тебе от двадцати трех до двадцати восьми… Двадцать пять! Угадал?

— Эээм… Будем считать, что да. А руку вы у меня все время будете на сиськах держать?

— А… тебе нравится?

— Не уверена. Лежит себе, как на перине… Тяжелая, между прочим!

— А соски у тебя такие же большие? — решился Гладков.

— Ээээм…

— Большие и розовые, да? Чтоб много-много молочка деткам было, да? — шептал он, массируя пышную грудь. Кристи охнула и отстранилась, но сзади был угол лифта, в который Гладков загнал ее и возобновил ласки — уже двумя руками.

В лифте сверкали искры и рвались фейерверки.

— Какая же ты чувственная, Кристи, — сказал он вслух, стягивая край ткани с ее упругих шаров. — Аааа, ааа… — запели они вдвоем, когда он нашел ее голые соски и взялся за них сразу двумя руками. — Аааа… — подвывал Гладков от ужаса и от похоти. — Тебе нравится? Нравится, девочка моя?

Он нагнулся, взял в рот горячий сосок, боднувший его, и стал взаправду сосать, причмокивая, как грудничок. Кристи застонала густым басом.

— Нравится? — бормотал он, мучая ей грудь. Она не отвечала ничего, извиваясь под его ласками.

«Как мы это здесь сделаем»? — думал Гладков. — «Она наверняка побрезгует на грязном полу… Неужели стоя, как ковбои в порнушке?»

Он нащупал Кристинины бедра, круто расходившиеся в стороны, как у индийских шакти.

— Ничего себе, какие… Да у тебя идеальная фигура! 90—60—90?

— Шестьдесят — да, — хрипло отозвалась Кристи. — Пятьдесят девять… Остальное больше…

— Обалдеть, — искренне говорил Гладков, расстегивая ей джинсы.

— Может, не надо? — вдруг спросила Кристи. Жалобно, как девочка.

— Но ты же хочешь, хочешь!... — Гладков схватил ее за грудь, обвил рукой талию, с силой массируя тугое горячее тело... — И я хочу. Очень-очень-очень хочу... Кристи, девочка моя, не бойся. Не бойся, моя кудряшка, все будет хорошо... все будет очень-очень хорошо... — бормотал он, стаскивая тряпки с ее замечательных бедер и спуская их глубоко-глубоко вниз, ниже колен. — Ну вот мы и голенькие, ну вот, — лихорадочно гудел он, наглаживая руками всю Кристи сверху донизу, во всех местах одновременно. На ее животе болталась майка. — Давай маечку снимем, а? Давай? Она мешает... Что? Что, что, моя девочка?

— О... оо... ооо... Оооооуууууэээээ!... — вдруг расплылась Кристина, извиваясь в темноте. — Эээ! Э! Э!

Ее рука дрожала между ног — Гладков чувствовал ее вибрацию. Недолго думая, он сунул туда свою собственную, окунув ее в горячий клей.

— Моя... девочк... кончи... чувственн... такая... — вылетали из него ошметки слов, обугленные от перегрева. Кристи ревела и взбивала бедрами воздух, рука Гладкова отчаянно хлюпала в ее промежности, другая хватала грудь за оба соска сразу; лифт ходил ходуном, и казалось, что какой-то великан трясет его, как спичечный коробок.

Кристи кончала долго и душераздирающе — Гладков даже устал вибрировать в ее киске, хлюпавшей ему на одежду.

Потом она оползла вниз, как студень, и тот еле успел подхватить ее.

— Уууууууффффф, — выдохнули они оба, хоть Гладков не кончил, и яйца его ныли, будто их сдавили клещами.

— Ну и нуууу... — сказал он. — Ты такая чувственная...

— Где-то я это слышала, — отозвалась Кристи густым басом.

— Но ведь ты кончила сама, я даже тебя не...

— Хотите продолжения? — спросила Кристи.

— Ээээ... вообще-то да. Очень, — похолодел Гладков.

— Можно я вам... минет сделаю?

Было ясно, что она впервые произносит это запретное слово.

— Дааааа! — заорал он, лихорадочно расстегивая брюки.

Это был самый короткий минет в мире: он только сунулся во влажный ваккуум, окутался его скользотой, мгновенно растаял в ней, спазмируя до костей, пару раз наподдал бедрами — и лопнул, разбрызгивая сладкий огонь в Кристи, которая подавилась его кончей и кашляла, роняя слюни Гладкову на яйца...

— Я даже приготовиться не успела, — пожаловалась она. — Вы так быстро...

— Просто... ты меня... сильно... возбудила... — говорил ей голос Гладкова откуда-то из глубин, опустошенных ее ртом.

Они помолчали.

Кристи покашливала где-то внизу. Гладков сполз туда, к ней, и обнял за плечи.

— Можно? — спросил он.

— Угу...

Они снова помолчали. Им было вкусно и тепло, и тела их продолжали общаться, обмениваясь невидимым током.

— Спасибо тебе, — сказал Гладков.

— На здоровье. Вам спасибо, — отозвалась Кристи.

— Мне-то за что? Только хотел извиниться, что пристал к тебе. Вообще я не такой.

— А какой?
— Ну… Трудно сказать, какой. Со стороны виднее. Но я никогда не приставал к девушкам в лифте. Даже странно, — со смехом сказал Гладков.
— И я тоже… к мужчинам, в смысле.
— Да? Вот видишь… Это лифт, наверно, какой-то заколдованный!
— Наверно…
Они снова помолчали.
— А у тебя до сих пор сись… грудь голая, — сказал Гладков.
— Да ладно, я не побью вас за «сиськи». А вы что, против?
— Нет, но… придут нас спасать, откроют — а там…
— Думаете, придут?
— А как же? Что мы здесь, как Аида и Радамес, что ли?..
— Риии-торна-вин-ти-кооор*… — вдруг запела Кристи красивейшим контральто.

---

*Ария Аиды из одноименной оперы Верди. (Прим. авт.)

У Гладкова похолодело в кишках.
— Огооо! — восторженно крикнул он, когда она допела фразу. — Ты что, оперная дива?
— Ну… не совсем дива, и не совсем оперная… Я больше по джазу.
— Вот это да! Ты просто молодчина, Кристи! — горячо сказал Гладков, сопровождая слова бурной жестикуляцией. И нечаянно задел что-то тугое и мягкое.
— Ааай! — мяукнула Кристи.
Гладков сжался.
— Это был мой сосок! — сказала она.
— Прости. Я случайно.
— Я знаю…
— А здорово, что теперь нам можно трогать друг друга везде… — он положил руку ей на грудь. — И в этом нет ничего такого…
— Тогда и я вас буду трогать за… член. Вы еще не спрятали его?
— Нет. Только он липкий и противный.
— Я знаю. Он был у меня во рту.
Гладков прикусил язык, а Кристи нащупала его хозяйство и принялась изучать своими горячими, нежными пальчиками, из которых в него шло щекотное электричество…
— Ааа… Ты сейчас снова меня возбудишь… и что тогда?
Кристина хотела что-то ответить, но тут откуда-то грюкнуло, и пропитый голос спросил из никуда:
— Эй! Есть кто тама?
Гладков и Кристи подпрыгнули, стукнувшись плечами.
— Ееесть! — крикнули они дуэтом, лихорадочно заправляя голые телеса.
— Ща вскрою вас. По всяму микрорайону тока нету, еб твою мать…
— Сейчас нас вскроют, — сказал Гладков (Кристи хихикнула), — и мы увидим друг друга.
— Да, — отозвалась она. — Волнующий момент…
— Ты и правда волнуешься?
— Да, — сказала она, помолчав. — Немного.
— И я. Только я совсем некрасивый.

— А я не люблю красивых.
— Серьезно?... Но ведь ты красивая?
— Увидите, — загадочно сказала Кристи.
Матерящийся монтер загрохотал совсем рядом, и вскоре темнота раскрылась, ослепив глаза.
— Выходитя, — сказал монтер, направив фонарь им в лицо. — Осторожно, тута темень, как у негра в заднице...
— А вы... — начала было Кристи, но осеклась.
Гладков, проморгавшись, косился на ее профиль. Пока он видел только большую копну волос, остальное казалось вылепленным из темноты.
Они вышли, держась за руки, и прошли к выходу из подъезда. Дневной свет ударил в глаза так, что градом полились слезы.
— Ну, смотрите, — торжественно сказала Кристи.
Гладков повернулся к ней... и чуть не сел на пол.
Перед ним стояла роскошная, грудастая, гибкая, стройная, ослепительно красивая и чувственная... негритянка.
Черная, как темнота, откуда они вышли.
Стояла и смотрела на Гладкова своими чернющими глазами, лукавыми, вопросительными, насмешливыми, ожидающими...
— Ты что, об темноту покрасилась? — спросил он наконец.
Кристи расхохоталась, обнажив белоснежные зубы.
— Ну да, а раньше была «нашей русской породой», — сказала она.
— Прости. Я просто в шоке. Ты потрясающая, — сказал Гладков.
Кристи посмотрела ему в глаза.
— А ну-ка повторите, какая я.
— Потрясающая. Гораздо лучше, чем я думал.
— Мне, кстати, всего восемнадцать, — сказала Кристи. — И я правда чувствую себя русской.
— Ну, выглядишь-то ты на двадцать пять.
— Потому что сиськи большие. И голос. Риии-торна-вин-ти-кооор... — запела она, закончив эффектной джазовой каденцией. Гладков зааплодировал. — Вы, кстати, торопитесь?
— Я? Эээ... нет.
— И я нет.
Он осторожно обхватил ее за талию — и они пошли вместе: лысеющий блондин Гладков — и черная, как эбонит, негритянка Кристи, у которой на щеке присохла капелька его спермы